

А. Е. ХИНШТЕЙН

Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным

<Фрагменты>

От автора

<...>

В массовом восприятии брежневская эпоха словно зависла между двумя полюсами; лично — воспоминания у нас о том времени преимущественно хорошие, ностальгические... Однако ж при том нам официально известно, что это был застой и отстой.

За четверть века бичевания «эпохи застоя» общество настолько привыкло уничижительно относиться к своему прошлому, что не видит порой даже очевидных вещей.

Как, интересно, получилось, что именно в «застойное» время СССР достиг верхней точки своего экономического развития и стратегического господства?

Почему именно в те годы был сделан гигантский промышленный и интеллектуальный рывок? Резко вырос уровень жизни? Стартовали многие социальные программы? Началось массовое жилищное строительство и реформа ЖКХ?

Если б не доставшиеся по наследству от Брежнева промышленность и инфраструктура, Россия просто не смогла б пережить эпоху 1990-х; всё, за счет чего продержалась страна, рождено было именно в СССР: и нефтяные скважины, и газопроводы, и линии электропередачи.

Только сейчас власть заговорила об этом наконец в открытую.
<...>

Об этом человеке, возглавлявшем страну долгих восемнадцать лет, принято вспоминать без тени какого-либо почтения.

«Броеносец в потемках», «отец застоя», «маразматик-геронтофил» — какими только уничижительными эпитетами не награждали Брежнева за последние четверть века.

В нашей памяти остался он преимущественно таким — дряхлым, слезливым автором «Целины» и «Малой земли», увлеченным

лишь навешиванием самому себе бесконечных звезд и орденов; не лидер, а ходячая карикатура.

Многочисленные анекдоты о нем — до сих пор воспринимаются почти как историческая реальность:

«Товарищи! Вчера, когда хоронили товарища Суслова и заиграла музыка, никто из членов Политбюро не догадался пригласить женщин на танец... Кстати, а куда запропастился товарищ Суслов?..»

Но Брежнев не всегда был старым, немощным маразматиком. В первое десятилетие властвования в — большую часть срока — это был энергичный, деятельный и достаточно либеральный правитель; хотя, если требовалось, он умел становиться и жестким.

Из многочисленных воспоминаний, свидетельств и сохранившихся документов предстает перед нами портрет крупного государственного деятеля; в меру — осторожного, в меру — сентиментального. И уж точно — вполне себе обаятельного.

Этот образ совсем не похож на того героя пародий и анекдотов, каким станет он во вторую половину своего владычества.

У меня, вообще, есть убеждение, что брежневские легковесность и недалекость, которую так любят подмечать в нем либеральные историки, есть не более чем маска. В действительности он был неплохо образован, в меру интеллектуален, умен, обладал всем набором качеств, необходимых для публичного политика.

Брежнев был совсем не таким, каким его привыкли считать. И даже — не таким, каким хотел, чтоб его считали.

Свое истинное лицо Леонид Ильич скрывал еще с юности, когда понял, что особливая яркость — кратчайший путь на нары.

Насколько успешна была эта мимикрия — что по сей день облик простофили, любителя домино и охоты живет в нашей памяти как историческая данность. Именно этот облик и вознес Брежнева на вершину власти; соратники слишком поздно разглядели у него стальные мускулы.

Кстати, и правителем Леонид Ильич был далеко не самым худшим; по крайней мере, результаты его царствования говорят сами за себя.

1965–1975-е годы явились истинно золотой эрой Советского Союза. И — его же золотой осенью, знаменовавшей собой величественный закат могучей советской империи.

Брежнев не сумел вовремя уйти в сторону, подготовив себе замену. Уникальный шанс, который был ниспослан России, оказался безвозвратно утерян. Последствия этой слабости мы расхлебываем и по сей день.

Главный итог правления Брежнева — установление в обществе относительно сытой стабильности; но ведь именно это — считается и основным успехом политики нынешних российских лидеров.

<...>

Трагедия распада личности обернулась трагедией многомиллионной страны.

Особенно ярко деградация брежневского сознания видна из его дневников, которые посчастливилось мне прочесть в спецхране президентского архива.

(Никогда раньше бумаги эти не видели свет; лишь Дмитрий Волкогонов приводил небольшие выдержки из них в своей книге¹.)

В принципе их трудно назвать дневниками; точнее — это ежедневные записи, которые Брежнев вел с конца войны до последних дней жизни.

Сначала — почти каллиграфическим, а потом уже — старческим, дряблым почерком он записывает свои впечатления, фиксирует события, встречи; отмечает для памяти первостепенные дела.

В приложении к книге вы ознакомитесь с этим уникальным документом подробнее. Там же, в приложении, публикуются наиболее интересные бумаги, найденные мной в закрытых ранее архивах. Бьюсь об заклад, такого Брежнева — вы еще не знали...

Цепкая острая память. Быстрая реакция. Исполнительность. Умение слышать других. Высокая работоспособность; эти и многие другие качества вывели его на первый план задолго до вознесения на престол.

Уйди Брежнев вовремя, сегодня вспоминали бы о нем с нескрываемым почтением, а Набережные Челны — может, и по сей день носили бы его имя.

<...>

Можете упрекать меня в бонапартизме, но я твердо убежден, что именно личность определяет бытие; оно, конечно, на всё воля божья, однако ж — от человека зависит тоже изрядно.

Это как птица удачи; хоть раз в жизни прилетает она к каждому, но далеко не всякий способен ухватить ее за радужный хвост...

Лишь одного-единственного российского правителя в XX веке, пусть с оговорками, можно назвать создателем. Сколь ни странно, это был Леонид Брежнев.

С легкой руки Горбачева его эпоху принято именовать «застоем», хотя мне как-то больше по душе термин «стабильность».

За годы брежневского правления, особенно первой его половины, в стране воцарилось то долгожданное спокойствие, которого так не хватало всегда России.

О кризисах, инфляции, безработице и оргпреступности советские люди узнавали исключительно из передачи «Международная панорама».

За все 18 лет его царствования зафиксировано лишь 10 случаев массовых беспорядков, причем в 1969–1976 годах — на пике брежневского могущества — ни одного².

Во внешней политике — СССР добился беспрецедентных успехов, с большинством лидеров западных держав — тех, кому Хрущев грозил показать кузькину мать, а Сталин рассматривал в качестве прямых врагов — Брежнев установил нормальные, добрососедские отношения, регулярно совершая иностранные визиты и, принимая соседей у себя; угроза Третьей мировой, бывшая еще вчера абсолютной реальностью, отошла при нем в небытие.

В политике внутренней — успехов насчитывалось тоже немало; достаточно вспомнить, что социальное законодательство было тогда одним из самых передовых в мире: бесплатная медицина, образование, жилье, поддержка материнства и детства, дотируемые цены на товары, продукты и ЖКХ.

Законодательство — вообще в самых разных областях потерпело гигантские перемены. Появились основы водного, земельного, жилищного, семейного, трудового и исправительно-трудового законодательства, законодательства о здравоохранении, народном образовании. Венцом всему стала Конституция 1977 года.

(Можно, конечно, иронизировать насчет исполнения этого «основного закона»: ни свободы совести, ни печати, вкупе с правом на митинги и демонстрации в СССР, разумеется, и близко не водилось. Но зато многие другие положения — исполнялись неуклонно. Например, право на труд и на жилище. Ни безработных, ни бездомных в стране в самом деле не было.)

Ежегодно в строй вводились сотни промышленных предприятий, разведывались новые нефтяные и газовые скважины, прокладывались тысячи километров автомобильных и железных дорог. К более конкретным примерам и цифрам перейду я чуть позже; хотя одну цифру, пожалуй, все же назову сейчас. За три пятилетки (1965–1980) в стране было построено 1,6 млрд. квадратных метров жилья. Что — на секундочку! — составляло 44% всего тогдашнего жилого фонда СССР!

(Для сравнения: за все 1990-е годы в России возведено было меньше 300 миллионов метров.)

Это просто счастье, что у нас сохранился тот брежневско-советский запас; лишь благодаря ему страна и сумела выжить в эпоху горбачевско-ельцинских лихолетий. Да и сегодня мы во многом еще продолжаем пользоваться плодами той эпохи: практически

все современные заводы и фабрики, системы энергоснабжения, инфраструктура городов и поселков были построены в те времена; сырьевые месторождения — открыты и освоены тогда же.

...Подождите, но как так? Если Брежнев был маразматиком и посредственной бездарностью, откуда возникли эти успехи? Они что, выросли сами по себе, будто сорняк?

<...>

За эти 25 лет «наследники» вволю оттоптались на маршальско-геройских костях; чего только не писали и не рассказывали о нем — не поймешь уже, где правда, а где голая пропаганда.

Особого размаха буйство это достигло во времена перестройки, когда, дабы прослыть прогрессистом и реформатором, требовалось непременно организовать торжественное сожжение партбилета.

Вот лишь пара цитат, принадлежащих популярнейшим публицистам-историкам, демократическим гуру тех лет.

Дмитрий Волкогонов: «Брежнев останется в памяти людей... как слабый, посредственный человек, который почему-то исполнял обязанности главы государства, Верховного Главнокомандующего, лидера единственной партии. К нему не сохранится чувств уважения или злобы, преклонения или непримиримости».

Георгий Арбатов: «Его трудно было назвать крупным политическим деятелем».

Рой Медведев: «...он был личностью столь посредственной и политиком столь заурядным, что не мог рассчитывать на долгую политическую жизнь».

Дальше всех пошел Федор Бурлацкий: он вообще окрестил Брежнева — без обиняков — «пустым резиновым сосудом».

<...>

Его эпоха — по крайней мере, первое десятилетие — явилась поистине золотым веком советской цивилизации; высшей точкой в ее развитии.

Конечно, Брежнев не был пустым резиновым сосудом, однако ж — и гением тоже не был. Истина, как водится, лежит где-то посередине.

Никто не собирается канонизировать его; Брежневу действительно не хватало культуры и кругозора, столь необходимых государственному деятелю. Очень часто проявлял он слабость, а подчас нерешительность, резких движений совершать не любил.

Генсек не сумел воспользоваться уникальным шансом, который был дарован России. В противном случае — жили бы мы сейчас в абсолютно другой стране; так, в очередной раз, человеческие изъяны определили дальнейший ход истории; насморк, черт бы его побрал...

Отдельная тема — брежневские болезни; здесь сказать нечего — стыдоба полнейшая. В последние 5–7 лет жизни Леонид Ильич фактически пребывал в прострации, превратившись почти в инвалида.

Брежнев до и после 1975 года — это два абсолютно разных человека; во многом даже — антиподы. Большинство из того, что сделал Брежнев-первый, Брежнев-второй, увы, загубил на корню.

<...>

Проведенный накануне 100-летия Брежнева (2006 год) опрос ВЦИОМ показал, что из 3,2 тысяч респондентов 39% предпочли бы жить в путинской России, а 31% — в брежневском Союзе. Для сравнения: во владычество Сталина хотело бы перенестись лишь 6% респондентов, а вернуться в ельцинские времена — и вовсе 1%.

В том, что лучше всего им жилось при Брежневе, призналась половина опрошенных жителей Симферополя и, как ни странно, Эстонии.

По опросу «Комсомольской правды», 61% читателей признали 1970-е годы самым благополучным временем для страны; против — 17%.

Иными словами — простой народ по застою откровенно ностальгирует, а элита старается тяги этой упорно не замечать, стыдливо отрешиваясь от прежнего правителя, точно интеллигенты в первом поколении — от приехавшей за покупками в ГУМ деревенской родни.

Имя Брежнева, как и вся его эпоха, продолжает — полуофициально — восприниматься у нас, пусть и не прямо негативно, но скорее со знаком «минус», чем «плюс»; признаться в симпатиях к бровастому генсеку означает заранее подвергнуть себя остракизму.

<...>

Если угодно, Брежнев стал первым советским политиком западного типа; белозубая улыбка, ямочки на щеках, всегда наготове пара свежих анекдотов.

Собственно, это не моя даже оценка. Вот что писал американский журналист Джон Дорнберг в одной из первых западных биографиях Брежнева:

«Красивое лицо Брежнева и его военная выправка выгодно контрастировали с унылым видом других лидеров. Он выглядел немного менее скованным, выделяясь сильно выраженным профессиональным обаянием. Временами он проявлял что-то из манер человека, хлопающего по спине и трясущего за руку, тех манер, которые ассоциируются с американскими политиками».

Тогда же немецкий журнал «Шпигель» называл его «самым элегантным из советских руководителей», а бывший посол США в СССР Фой Д. Колер утверждал, что Брежнев «должно быть, имеет лучшего посла в Москве».

<...>

Сейчас это невозможно представить, но при Сталине и Хрущеве 9 мая праздником государственным не являлось, более того, вплоть до 1965 года — дни Победы никак вообще не отмечались, да что дни — даже юбилейные даты³.

Нет, фронтовики, конечно, промеж себя собирались, выпивали законные сто — или сколько там — наркомовских грамм, но всё это было... неофициально, что ли; нечто вроде междусобойчика.

Именно Брежнев сделал День победы одной из главных государственных дат; да и возведение Великой Отечественной в ранг самой важной исторической вехи, малость потеснившей даже 7 ноября, — тоже целиком его заслуга.

<...>

А ведь у Брежнева был исключительный шанс войти в историю, как одному из самых почитаемых национальных лидеров, воистину — Леонидом Великим. Для этого нужно было всего-то самую малость — изменить курс корабля и в нужный момент покинуть капитанский мостик. Этот момент, час «X» — наступил как раз в 1975-м, в год великого благоденствия и великого разлома.

Заслуга и одновременно трагедия Брежнева в том, что он слишком быстро добился улучшения уровня жизни в стране.

Еще вчера большинство населения ютилось в землянках и коммуналках. Миллионы людей перебивались с воды на хлеб, а одна пара обуви непрерывно носилась годами.

На съемках знаменитых «Кубанских казаков», в сцене, где колхозники гуляют на празднике урожая, к Юрию Петровичу Любимову подошла местная станичница: «Это, сынок, из какой жизни представлять будете?»

И поколение Брежнева, и поколение его детей постоянно соизмеряло нынешнюю действительность со своим временем: с голодом, разрухой, войнами. Но на свет пробивалась уже новая послевоенная популяция, жадная до жизни и безразличная к высоким материям. И ей — рассказы о героических свершениях и лишениях были абсолютно до лампочки, учение профессора Выбегалло об идеальном человеке, удовлетворенном желудочно⁴, — воплощалась в жизнь.

Если на фоне отечественных реалий 10-. 20-, а уж тем более 30-летней давности жизнь при Брежневе заметно улучшилась, то супротив Запада — никакого сравнения она не выдерживала.

Советская пропагандистская машина совершила непростительную по своим последствиям ошибку. Страна за долгие годы настолько привыкла к вечному сопоставлению двух миров, что автоматически переносила этот принцип и на сравнение уровней жизни.

Разница лишь в том, что по абсолютным показателям — либо выигрывали мы, либо шли с Западом вровень. СССР больше всех в мире выплавлял стали и чугуна, производил цемента, железобетона и минеральных удобрений, добывал нефти, ловил рыбы. По числу тракторов, обуви и молока на душу населения мы уверенно обгоняли Америку. С каждым годом отечественная промышленность увеличивала выпуск автомобилей, телевизоров и женских жакетов.

Зато по качеству продукции, да и самой жизни в целом — СССР и близко конкурировать с Западом не мог. Серая оберточная бумага — начисто проигрывала блестящей «фирменной» упаковке, а капиталистическая оборотистость — совковому ненавязчивому сервису с грудастыми продавщицами и километровыми очередями.

Каждый, кто хоть раз побывал в заграничном супермаркете, этой Мекке советских туристов, не мог потом без слез входить в гастроном и бакалею: все равно, что из борделя перенестись в дом престарелых. На фоне пустых прилавков любые разговоры о грядущем торжестве коммунизма и исторической обреченности империализма звучали уже, точно издевка.

Сравнивать себя с сильнейшими — позиция, конечно, достойная, но с точки зрения здравого смысла — абсолютно проигрышная.

Сопоставлять советский уровень жизни следовало не с экономически развитыми, а с развивающимися странами, теми, кто по своим показателям был гораздо к нам ближе.

Только не надо хватать меня за рукав и пытаться упрекать в непоследовательности, только что, дескать, автор утверждал, что на Западе в 1970-х бушевал кризис, а в СССР годовая инфляция не превышала и процента.

Ничего удивительного. Нелишне будет напомнить, что по уровню жизни разрыв между развитыми и развивающимися странами составлял тогда 10–15 порядков.

Даже в начале 1990-х, среднестатистический житель Турции, даром, что страна эта традиционно считается одним из лидеров «третьего мира», тратил на питание 53% от зарплаты. А такой же среднестатистический швед — 23%. В свою очередь, советский потребитель находился где-то посередине: в 1980 году расходы на еду составляли 35,5%, а в 1985-м — и того меньше: 33,7%. Все

затраты на коммунальные услуги (квартплата, электричество, телефон, ЖКУ) не превышали 3% семейного бюджета.

Ну да, так и есть. По качеству жизни и экономическому уровню СССР находился где-то посередине между развитыми и развивающимися странами, приближаясь, скорее, всё же к первым. Если от США по большинству показателей отставали мы ровно вдвое, то с другими государствами вполне могли потягаться. Например, с Италией, где жизненный уровень отличался не намного.

К 1984 году в СССР объем внутреннего национального продукта (ВНП) был в 1,5 раза больше, чем в Японии и в 4 раза, нежели в ФРГ. Правда, вдвое ниже, чем в США.

В этих цифрах нет ничего критического и смертельного. Напротив, то была отличная стартовая площадка для грядущего рывка. Вот только — совершить его никто так и не решился...

Союз погиб вовсе не по причине нежизнеспособности его экономики или идеологии, расшатанной, как изнутри, так и снаружи.

Вплоть до 1984 года советская экономика по большинству показателей оставалась устойчивее американской. Она была неподвластна инфляциям и мировым кризисам. Артур Шлезингер, крупнейший американский историк, певец антикоммунизма и бывший помощник президента Кеннеди, утверждал тогда же, в 1980-м:

«Те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, занимаются самообманом... У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной».

Кстати, скорой гибели СССР всерьез не прогнозировали и аналитики Госдепартамента и ЦРУ. Уильям Уэбстер, возглавлявший Лэнгли⁵ в самый «горячий» период — с 1987 по 1991 годы — вынужденно признавался потом: «ЦРУ не смогло предсказать краха Советского Союза».

Да что ЦРУ. Академик Сахаров, главный враг советской власти, писал в 1987 году, акkurat в разгар перестройки: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы, и СССР политически и экономически развалится».

СССР — развалили не Першинги и Томогавки, не радио «Свобода» и журналы «Посев»⁶, а... джинсы. Да-да, самые обычные хлопковые штаны, которые носят теперь даже гастарбайтеры и бомжи.

Для советских людей настоящие джинсы (не индийские или югославские, а именно фирменные) являлись недостижимым пределом мечтаний, мне, например, они перешли по наследству

от дядьки. Купить джинсы в магазине было невозможно. Либо у спекулянтов, за цену, равную месячной зарплате. Либо — на чеки в «Березке», куда простому гражданину вход был заказан.

В СССР — джинсов, как и секса, не было. А за кордоном — они штабелями лежали на каждом углу.

Итог: джинсы — есть. Советского Союза — нет...

<...>

Существует масса примеров, когда вмешательство Брежнева спасало людей от верной расправы.

Именно он потребовал, например, чтобы диссидент Жорес Медведев, отправленный стараниями КГБ в психбольницу, был освобожден. Это Брежнев настоял на том, чтобы выпустить за кордон, а не сажать Солженицына, хотя многие «горячие головы» в Политбюро требовали показательной порки писателя-бунтовщика. А услышав об изгнании Юрия Любимова из театра на Таганке, позвонил секретарю МГК Гришину и велел решение это отменить. Более того — сам пришел на новую любимовскую постановку — знаменитые «А зори здесь тихие...» — и даже всплакнул от избытка чувств; на долгие годы вперед слезы генсека станут для Любимова бесценной охранной грамотой...

<...>

Брежнев вполне мог уйти на излете, оставив о себе память, как о выдающемся правителе — Леонид Великий — так, кажется, предлагал называть его Ричард Никсон. В нашей историографии занимал бы он тогда примерно ту же роль, что в Турции Ататюрк, или Черчилль в Британии.

Энергичный и одновременно неторопливый. Жесткий и либеральный. Хитрый и мудрый.

Вовремя уйти — это тоже искусство!

<...>

Да, он не был яркой, масштабной личностью, глубоким стратегом и пламенным трибуном. Не имелось в нем ни ельцинского магнетизма, ни путинской сакральности, ни сталинского монументализма. Он не собирал стадионы и не увлекал за собой многотысячную толпу одним только взмахом руки. Но не всем же глядеть в Наполеоны...

<...>

По делам своим — по крайней мере, первой половины правления — Брежнев вполне достоин... ну, как минимум, элементарного человеческого уважения. Даже ошибки его не в силах это перечеркнуть.

Хотя ошибок — чего говорить — было едва ли не больше, нежели побед и успехов, потому брежневский «Проект Союз» и кон-

чился оглушительным провалом. Перейди он вовремя в сильные руки, страна могла бы совершить колоссальный рывок вперед.

Тот рывок, который вынуждены совершать мы сейчас, запоздало наверстывая упущенные десятилетия.

Эго были воистину десятилетия «золотого века» советской империи. Времени, откуда большинство из нас так или иначе вышли, и обязаны хотя бы потому никогда его уроков не забывать.

Крепкая память — лучшая гарантия от повторения ошибок, потому что нынешняя власть переняла из советского прошлого не только лучшее.

Впрочем, на чужих огрехах учатся исключительно умные. Мы же — почему-то — всегда на своих...

(Май 2008 — октябрь 2010)

